

В. В. Васильева

«ВЫСОКИЕ ТЕХНОЛОГИИ» СОВЕТСКОЙ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ НОВОСТИ¹

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

Рассмотрены технологии создания советского газетного текста. Обосновывается инструментальный характер текста: фактологическую основу заметки составляет не событие, а его реконструкция по заданной документом и известной советскому журналисту композиционной модели. Продуцирование текстов по описанной схеме выступает конкретно-речевым доказательством практического слияния языка политической (партийной, коммунистической) идеологии с языком газеты. Проводится мысль об опасности технологического подхода к созданию газетной информации, неминуемо приводящего журналиста к идеологической зависимости. Библиогр. 7 назв.

Ключевые слова: язык советской газеты, идеология, идеологема, политический дискурс, композиционная модель текста.

HIGH TECHNOLOGY OF SOVIET INDUSTRIAL NEWS

V. V. Vasilieva

St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article is dedicated to the features of newspaper text creation in Soviet times. The author reveals how presentation of data was determined by ideological discourse which in turn was deeply affected by official documents issued by the Communist party. Soviet newspaper text is considered as an instrument: events are not treated as facts but reconstructed in accordance to a strict compositional model; this model, predetermined by a document, is quite familiar to a journalist. Showing how political ideology merges with the newspaper speech, the author demonstrates why such a technological approach to newspaper text creation inevitably makes a journalist ideologically dependent. Refs 7.

Keywords: Soviet newspaper discourse, ideology, ideologue, political discourse, compositional text model.

Исследование таких феноменов, как язык, всегда затруднено целым рядом «невозможностей»: невозможно увидеть объект в его завершенности; невозможно дистанцироваться от собственной языковой картины мира и — в целях объективного знания — абстрагироваться от собственной языковой личности; невозможно, в конце концов, получить некий закрытый массив текстов. Русский язык предоставил своим исследователям возможность изучать целый «язык в языке», поскольку идеологический язык советской эпохи состоялся как феномен и созданные на нем тексты представляют собой закрытый список.

Газетные тексты советской поры, особенно в части новостной информации — высокотехнологичные продукты как в плане жанровых форм, так и в плане речевого оформления. Без особого преувеличения можно сказать, что публикации в любой газете того времени могли служить для начинающего журналиста образцом (или образчиком) структурно-композиционных схем. Талант журналиста мог проявить себя только в наполнении этих схем конкретными речевыми формами, в речевом развертывании их элементов. Схема предъявления информации в подобных текстах есть программа развертывания дискурса, которая, как оказалось, напрямую (и заметим: открыто!) задана партийными документами.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке СПбГУ в рамках НИР № 4.23.2204.2013.

В настоящих заметках речь идет о газетных текстах трех периодов советской истории (сталинской, хрущевской и брежневской эпох), принадлежащих к одному тематическому полю, а именно — производственной теме². Предварим свои рассуждения конкретным примером и обратимся к фрагментам публикации в газете «Правда» от 17 февраля 1961 г. «Наливаются силой ростки нового», посвященной деятельности завода «Запорожсталь». Газета сообщает читателю: *Широко развернулось движение рационализаторов и изобретателей! Заводские умельцы уже помогли сэкономить 128 млн рублей!* На первый взгляд, информационным поводом для заметки являются реальные успехи заводчан, а задача корреспондента заключалась в том, чтобы собрать статистические данные, исследовать рационализаторское движение, выявить героев, побеседовать с ними и пр., с чем, судя по заметке, корреспондент успешно справился. Однако источник информации был у московского корреспондента под рукой: это постановление пленума ЦК КПСС «Об опыте работы парткома завода “Запорожсталь” имени С.Орджоникидзе по организации внедрения в производство новейших достижений науки, техники и передовых методов труда» (ср. в тексте Постановления: *Значительно усилилась работа с рационализаторами и изобретателями... с экономическим эффектом в 128 млн руб.*). Сравним с Постановлением текстовые фрагменты заметки, претендующие на некоторое исследование причин успехов: *Но как же в таких сложных условиях партком, первичные организации смогут все видеть, все знать, оказывать значительное влияние на ход производства? Их зоркие глаза — это комиссии по осуществлению права контроля хозяйственной деятельности. Жизнь, практика показывают, что правильное применение новых форм контроля... способствовало росту активности коммунистов.* Ср. в тексте Постановления: *Создание партийных комиссий по контролю деятельности администрации позволило значительно расширить сферу партийного контроля, сделать его более квалифицированным, лучше организовать проверку исполнения и привлечь к этому важному делу широкий круг коммунистов-рабочих.* И наконец, корреспондент повествует о конструкторах, «давших слово» улучшить свою работу (обратим внимание на имитацию личной беседы!): *...Они [конструкторы] дали слово за счет совершенствования конструкции машин и повышения их технологичности, широкого внедрения сварных деталей, прогрессивных материалов обеспечить снижение себестоимости машин и оборудования...* Ср. в тексте Постановления: *Проведена значительная работа по мобилизации инженерно-технических работников и передовых рабочих завода на разработку и создание наиболее производительных и экономичных машин и внедрение передовых технологических процессов.*

Как видим, подобные тексты реализуют особый тип интертекстуальности, который можно условно назвать протекстуальностью, поскольку здесь устанавливается однонаправленный вектор текстуального влияния³ — всегда от Документа к га-

² Эмпирический материал, подвергнутый осмыслению в статье, введен в научный оборот диссертационным исследованием В.В.Барсуковой «Русский газетный дискурс тоталитарной эпохи в его обусловленности меняющейся партийной идеологией (на материале статей и заметок экономической тематики)» [1]. Здесь и далее газетные примеры взяты из указанной работы (за исключением отмеченных особо).

³ См. в связи с этим понятие прекоконструкта у П. Серио [2]. Заметим попутно, что в специфической природе прекоконструкта советской газеты — его идеологическом содержании — заложен экс-

зетной заметке, что подтверждается воспроизведением в ней текстовых структур Документа. Таким образом, фактологическую основу заметки составляет не событие как таковое, а некая реконструкция события по заданной Документом и хорошо известной журналисту схеме (реконструкция в том смысле, в каком этот термин употребляется, например, в современной теледокументалистике). Обратим внимание, что даже цифровые данные, приведенные в заметке, «выписаны» из Документа. Выполняет ли подобным образом созданный текст информирующую функцию? Безусловно, выполняет. Однако сам тип информации имеет здесь принципиальное отличительное свойство: она определяется узко инструментальным характером текста, который, подобно текстам в деловой сфере, не пишется, но «составляется» по определенной композиционной модели. Композиционная модель реализуется в выявленном в указанном исследовании В. В. Барсуковой специфическом механизме развертывания информационного газетного сообщения: в нем воспроизводятся текстовые фрагменты советских партийных документов, которые развертываются в рамках устойчивых тематических макроструктур, сформированных в исследуемый период (примеры тематических макроструктур: передовой трудовой коллектив; рапорт о трудовых успехах; нововведение, позволившее обеспечить выполнение директив прошедшего съезда (плenums); критические замечания о работе трудового коллектива и пр.)⁴.

Тематические макроструктуры представляют собой, по сути, такие элементы композиционной модели, которые имеют определенную собственную прагматическую направленность при сохранении общей схемы реализации идеологической целеустановки: элемент «демонстрация успехов» — чтобы показать, что методы руководства и воздействия у партии верные; элемент «критика партийного руководства» — чтобы показать, что партия видит резервы, т. е. видит дальше и глубже производственных руководителей; элемент «демонстрация передовиков и отстающих» — чтобы показать, что партия видит работу каждого и т. п. Это не просто утверждение «ведущей роли партии», это идеологическая проработка по всем направлениям.

Нельзя не согласиться с Г. Ч. Гусейновым в том, что «с объявлением в России политической свободы выяснилось, что некоторые приемы обращения со словом в советское время стали для носителей языка схемой мысли» [3, с. 15]. Эта схема конструировалась и в таком, казалось бы, фактологически сильном информационном поле, поле предметной реальности и цифр, как производственная заметка.

Вообще говоря, подобные публикации представляют собой по сути дела «перевертыши»: газета не сообщает обществу (в том числе и его властным структурам) о проблемах в производственной сфере и их решении, но особым образом транслирует сообщение, полученное от партийного аппарата через его официальные документы. Специфику реализации информативной функции в советских газетных текстах можно представить как цепочку следующих речевых и предметных действий: *пленум ЦК КПСС ставит задачу перед структурой N и сообщает об этом в своем Документе (Постановлении, Резолюции, Решении); структура N решает поставленную партийным документом задачу; газета сообщает читателю о решении задачи.*

прессивный компонент, в то время как воплощение этих прекопунктов в тексте советской газеты жестко стандартизовано.

⁴ См. подробнее [1].

Возможен и другой вариант цепочки: пленум ЦК КПСС ставит задачу перед структурой *N* и сообщает об этом в своем Документе; газета сообщает читателю (NB! в том числе и структуре *N*) о тех участках структуры *N*, которые требуют особого внимания; структура *N* задачу решает (возможно факультативное звено: газета сообщает читателю о решении задачи).

Специфичным является и тип диалогичности в производственных заметках. Напомним, что Л. Р. Дускаева в своей работе показала, что диалогичность — один из жанрообразующих факторов: по сути, в журналистском произведении формируются ответы на предполагаемые вопросы аудитории [4]. В отношении «советского газетного диалога» приходится признать, что его сторонами выступают журналист и... представитель все той же партийной идеологии: заметка пишется не ДЛЯ народа, а для партии ПРО народ, который не участвует в коммуникации, а наблюдает эту коммуникацию: читает о себе, о своих товарищах и недругах — все это необходимо советскому читателю, чтобы ориентироваться в жизни, думать «правильно», действовать «в нужном направлении».

Продуцирование текстов по описанной схеме выступает конкретно-речевым доказательством практического слияния языка политической (в данный период — сугубо партийной, еще точнее — коммунистической) идеологии с языком газеты. А идеология как система концептуально оформленных взглядов и идей санкционирует существующие в обществе формы власти.

Назначение идеологии заключается и в том, чтобы выполнять роль неких исходных принципов, направляющих практическую деятельность. Газетный материал 1950–1980-х годов наглядно демонстрирует технологическую сторону такого руководства, поскольку указанный механизм текстопорождения формирует набор идеологем, достаточно полно характеризующих стиль и специфику партийного руководства конкретного советского периода. Идеологема как «вербально закрепленное идеологическое предписание» (определение Н. А. Купиной [5, с. 6]) может, как известно, быть эксплицирована в единицах любого из языковых уровней — от буквы до целого предложения. Применительно к анализируемому материалу можно сказать, что определенный текстовый фрагмент Документа, будучи многократно воспроизведенным в производственной заметке, приобретает свойства идеологема: если Документ существует только для членов партии, то газета «предписывает» всем и каждому.

В дискурсной практике журналиста в каждый из трех периодов советской истории разворачиваются четко заданные идеологические смыслы, экспликация которых на газетной полосе осуществляется через высокочастотные текстовые единицы. По сути, это те самые «ключевые слова эпохи», вычленение и исследование которых А. Вежбицкая предложила в качестве метода изучения культуры [6]. Подобно тому, как, по Вежбицкой, вокруг культуроспецифических слов «организованы целые области культуры», вокруг определенных лексем, словосочетаний и даже развернутых высказываний организуются идеологические поля.

Особый интерес представляет идеологическое поле имени собственного в советских производственных заметках. Этот вопрос заслуживает отдельного исследования; здесь отметим только некоторые способы предъявления имен собственных. Герои публикации, как правило, представлены в заметках конструкцией имя + квалифицирующая группа, в которую входят функциональные и релятивные номина-

ции. Идеологически релевантные элементы квалифицирующей группы оказываются прикрепленными к имени собственному как его неотъемлемая часть. Интересно, что история знает и обратный процесс: изъятие у антропонима наименования регалий означает практическую потерю человеком его «славного имени», исключение человека из одного идеологического лагеря и включение его в другой лагерь — лагерь врагов.

Максимальным лексическим наполнением этой тематической единицы, в которую включены и полные наименования должности, партийной принадлежности, наград, достижений героя заметки, характеризуется сталинская эпоха: *Герой Социалистического Труда лауреат Сталинской премии буровой мастер тов. Хрещанович, мастер по добыче нефти комсомолец Владимир Фоменко и многие другие систематически перевыполняют план* (Известия. 1953. 16 янв. С. 2). Представляется, что такая полнота квалификации персонажа, занимающая внушительную часть текстового пространства небольших по объему заметок, является одним из способов формирования констатирующей семантики, едва ли не единственно возможной в газете сталинской поры. Для констатаций всегда необходим образец, некий утвержденный эталон. Известно, что «герой-производственник» не мог появиться в газетном тексте сам по себе, как частное лицо, он должен был быть «рекомендован» соответствующими инстанциями и «подходить» по всем идеологическим параметрам, которые и отражены квалифицирующими элементами при имени собственном.

Полнота квалификации при наименованиях как отражение идеологического содержания эпохи касается не только человеческих персонажей, но и предприятий. Так, например, в хрущевский период, когда констатация соединяется с аргументирующей силой факта, большую, чем в «сталинских» заметках, часть текстового пространства начинают занимать цифровые данные, а наименование предприятий утрачивает полноту квалифицирующей группы имени. Приведем примеры: *Котел-гигант, изготовленный таганрогским заводом «Красный котельщик», будет работать в блоке с турбинной мощностью в 300 тысяч киловатт* (Труд. 1961. 20 дек. С. 1) (заметим, что полное название предприятия вплоть до 1976 г. звучало как Орден Ленина производственное объединение Таганрогский котлостроительный завод «Красный котельщик»); *«Запорожсталь» идет теперь в числе передовых предприятий страны. Коэффициент использования полного объема домен здесь лучший на Украине — 0,71; при получении тонны чугуна расходуется 603 кг кокса...* (Труд. 1962. 14 февр. С. 1) (а это предприятие было в тот момент не только орденоносным — награждено орденом Ленина, — но и носило имя Серго Орджоникидзе); *Небольшой коллектив этого участка содового завода обязался в течение года выпустить полторы тысячи тонн продукции* (Звезда. 1961. 17 ноября. С. 1) (предприятие представлено только функциональной номинацией).

В производственных заметках брежневской поры (получившей известное определение «период застоя») обращает на себя внимание большое количество так называемых неперсонифицированных номинаций: *Сейчас объединение приступило к подготовке производства глинозема по новой технологии в крупных масштабах* (Известия. 1981. 23 марта. С. 2); *На предприятиях Южного Урала осуществляются комплексные программы* (Правда. 1981. 6 марта. С. 1). Здесь, как и в «хрущевских» производственных заметках, акцент с имени перенесен на количественные данные. Отличие в заметках касается способа предъявления этих данных: в «брежневских»

заметках предпочтение отдается словесному варианту представления числа, что приводит к громоздким текстовым фрагментам с именами числительными. Это наводит на мысль о манипулятивном характере выбора варианта: по всей видимости, так реализуется задача «выдать желаемое за действительное».

Говоря о способах предъявления имен и понимая как очевидность регулярность появления в газетном тексте имен вождей трех советских эпох, отметим, тем не менее, некоторые интересные особенности. «Имя вождя» является своего рода лексической константой и представлено в текстах во всех антропонимических вариантах: *Сталин* и пр., *Никита Сергеевич Хрущев* и пр., *Л. И. Брежнев* и пр. (хотя и здесь было бы интересно провести статистическое исследование приоритетных вариантов в той или иной эпохе). Иначе обстоит дело с прилагательными *сталинский*, *хрущевский*, *брежневский*. Так, номинация *сталинский* регулярно появляется в газетных текстах соответствующей эпохи, а номинации *хрущевский* и *брежневский* отсутствуют в газетах времен правления Хрущева и Брежнева. Такое заключение мы сделали, составив соответствующие запросы в Национальном корпусе русского языка, сформировав публицистические подкорпусы по каждому «вождю» в его исторических рамках: нацкорпус обнаружил лишь два случая номинации *брежневский*, отослав при этом к публицистическим (но не газетно-информационным) текстам... А. Д. Сахарова 1975 г. («О стране и мире»: *нынешнее «брежневское» руководство страны*) и А. И. Солженицына 1982 г. («Наши плюралисты»: *новое брежневское наступление на деревню*). Активное употребление номинаций *хрущевский* и *брежневский*, согласно данным Нацкорпуса, появляется уже в последующие политические периоды. Заметим, что номинация *брежневский* с первых употреблений приобрела критический, по сути негативный, оценочный характер, поскольку была «запущена» в жизнь публицистическими текстами, в целом имеющими жестко критический характер и негативно оценивающими советскую действительность. Собственно, именно с этих имен в публичном пространстве начинается разоблачение советской идеологии как учения и способа управления умами, как механизма, вырабатывающего у советского человека ложные ориентиры, формирующего не законопослушного, но «властьпослушного» гражданина, идеологию, направленную исключительно на легитимизацию власти.

Композиционные модели газетной заметки в политические эпохи трех советских вождей имеют различные модификации: происходит своего рода «прогибание формы» под влиянием «внесловной среды» (М. Бахтин). Примечательно, что этой внесловной средой являются все те же слова, но рожденные и живущие в конкретной политической сфере — сфере идеологии одной конкретной партии и закрепленные в ее очередном Документе. Имеем ли мы тут дело с экстралингвистическими факторами, т. е. можно ли считать эту сферу внешней по отношению к языку газеты того времени? Это дискуссионный вопрос.

Г. Ч. Гусейнов назвал идеологему «простейшим переключателем речевого поведения» — с естественного на казенно-публичный режим. Представляется, что речевую основу газетного языка советского периода (во всяком случае — основу газетного информирования) формирует исключительно «тоталитарный язык» и, следовательно, все многообразие национального языка остается в это время за пределами официальной печати. Приходится признать высокий уровень технологии создания

советского газетного текста, успешно предъявлявшего читателю тот мир, который уже был сконструирован в декларациях и партийных документах.

«Многие современные политики и журналисты, вне зависимости от их отношения к советской идеологии, продолжают использовать разработанный советскими идеологами политический тезаурус. Они подвергают общественное сознание воздействию советских манипулятивных технологий» [7]. Оставив в стороне вопрос о том, осознает ли пишущий свое участие в такого рода воздействии, отметим, что требование «технологичности» (точнее, алгоритмичности) в журналистском труде имеет, на наш взгляд, опасную сторону. Поясним свою мысль: технология есть следование инструкции, по сути — ограничение выбора; инструмент журналистского труда — язык, — лишенный свободы выбора, оказывается тем самым вне свободы выражения мысли. Еще более конкретно, применительно к проблеме стиля, эту мысль можно сформулировать как противоречие между технологией и свободой, ибо стиль — это выбор, выбор — это свобода, а свобода — это ответственность (по крайней мере за выбор).

Литература

1. Барсукова В. В. Русский газетный дискурс тоталитарной эпохи в его обусловленности меняющейся партийной идеологией (на материале статей и заметок экономической тематики): дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2011. 196 с.
2. Серю П. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 2002. 416 с.
3. Гусейнов Г. Ч. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х гг.: автореф. дис. ... д-ра культурол. наук. М., 2002.
4. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2004. 359 с.
5. Купина Н. А. Тоталитарный язык. Словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь: Изд-во Урал. ун-та, 1995. 144 с.
6. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
7. Агейкина И. Н. Идеологема «нация» в советской публицистике 1917–1953-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-175623.html> (дата обращения: 06.04.13).

Статья поступила в редакцию 24 октября 2014 г.

Контактная информация

Васильева Виктория Владимировна — кандидат филологических наук, доцент; viktirija@mail.ru
Vasilieva Viktoria V. — Candidate of Philology, Associate Professor; viktirija@mail.ru